

А ведь и Богатыревы, и Анисимовы были старообрядцами, особенно преданными традиции. В их среде со времен Аввакума всякие нововведения в области иконописания принципиально отвергались как скверна, как ересь. Но жизнь и талант брали свое. Рождалось новое видение жизни, а вместе с ним и старорого сюжета, новые чувства и мысли, которые требовали своего воплощения. Рождалась личность.

В старообрядческой среде не было официального контроля, а от влияния официальной церкви старообрядцы умели уйти — и физически, и духовно. Отсюда парадокс: при искренней верности традиции большая самостоятельность, чем, например, у художников монастырских мастерских. Именно старообрядческая икона наиболее полно сумела совместить, казалось бы, несовместимое: твердое следование канону и творчество.

Е. А. Горобинская
Екатеринбург

ТРАДИЦИЯ ЮРОДСТВА И ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Скандальность и необычность способов привлечения к себе интереса масс у целого ряда политиков, претендующих на творчество новой политики в Российском государстве уже давно стала притчей во языцех. Эта нетипичность поведения не является, как может показаться, чем-то случайным, хотя бы потому, что в истории российской культуры имел место пример такого поведения — юродство.

Только появившееся в I в. христианство столкнулось с многовековой громадой античной языческой культуры. В силу своего огромного возраста, отточенности и завершенности античная культура не сдала сразу свои позиции христианству. Но и проиграв в итоге, она осталась, осталась вытесненная в подсознание народов и прорывалась наружу в карнавалах, масленицах, в массовых гуляниях праздничной средневековой культуры. И наоборот, она осталась существовать на уровне самосознания культуры, о чем говорит место Аристотеля и Платона в средневековой схоластике.

Смирившись с таким положением вещей, религия, тем не менее, мобилизуя свои защитные механизмы, вырабатывает противоядие против “языческих плевел”. Носителями такого противоядия оказываются отшельники, затем монахи, страдальцы за веру и всевозможные подвижники: их поведение нео-

бычно, их самоистязания порой чрезвычайно изощрены. Все эти подвижники были одержимы идеей личного спасения, личного приближения к Богу, что наиболее характерно для католицизма. Россия же с ее неистребимым духом соборности, всеединства, русское православие породили иной феномен — юродство.

Юродивый — существо во всех отношениях пограничное, а потому феномен юродства ускользает от однозначных определений. Ее главная цель: показать миру его неправедность, окостенелость в грехе, и, тем самым, спасти его. Подвиг юродства — самый сложный и тяжелый. Во-первых, он живет в миру, и, следовательно, подвержен его соблазнам намного более, чем его соратник за монастырской стеной; во-вторых, юродивый добровольно отказывается от самого дорогого дара Бога — Разума, ибо для юродивого есть лишь один разум — божественный. Разум человеческий есть источник гордыни. Миру реальному, погрязшему в грехах он противопоставляет мир Царства Божьего. Отсюда, его “неправильное” поведение в неправильном мире. Юродивый свободен для служения Богу. Свободен от семьи, от четкой сословной принадлежности, свободен от желаний плоти. Он свободен и от реального времени, так как живет в вечности Бога.

Итак, “ругаясь миру”, заручившись вниманием Бога, юродивый берет на себя заботу об общественной нравственности и спасении. Поведение юродивого оказывается архетипическим для российской культуры, и всякий, кто пытается взять на себя роль спасителя народа, волей-неволей впадает в зависимость от него. Наиболее яркий пример из ближайшей русской истории — образ писателя-пророка в литературе XIX в. Архетипу юродивого следуют и на уровне поведения: нравственные метания и проповедничество Л. Н. Толстого, литературное хулиганство В. В. Розанова и т. д.

Средневекового юродивого, русского писателя конца XIX в., современного политика, вроде Жириновского или Брынцалова, объединяет их отношение к народу, к массе. Масса — средство для достижения собственных целей, связанных жадой личной власти, личного спасения. Вместо творчества нового — имитация творчества, шаманские пляски, лишенные творческого начала. А архетип юродства — это и есть та волшебная палочка, которая делает массу средством. “Ругайся миру”, “бей себя по щекам”, “являй миру свою благодать”, и ты новый кумир. В психологии есть подходящий термин для обозначения подобного эгоцентризма — это аутизм. В случае политика — политический аутизм.